

ВЛИЯНИЕ УЧЕНИЯ СВТ. ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ НА НАСЛЕДИЕ УКРАИНСКО-АФОНСКОГО ПОЛЕМИСТА И СТАРЦА ИОАННА ВИШЕНСКОГО

Сергей Викторович ШУМИЛО

Международный институт афонского наследия в Украине, Киев, Украина

Преподобный Иоанн Вишенский Святоторец (1550-е – 1620-е гг.) был одним из выдающихся афонских подвижников, сыгравших важную роль в возрождении православия в Украине в XVII веке. Еще при жизни современники и сподвижники относились к нему с глубочайшим почтением и называли его „великий старец Иоанн Вишенский святоторец“ [8] А Собор Киевской Митрополии 1621 года в одном из своих документов от лица всей Церкви именует старца Иоанна „преподобным мужем“ и „блаженным“ „в житии и богословии цвитущим“ [3] Значительно позже, уже в XIX веке, Пантелеймон Кулиш назовет его „афонским апостолом“ [13]

Жизнь и деятельность старца Иоанна совпала с трагическими событиями гонений на православие в Речи Посполитой, в связи с чем его полемические произведения были направлены главным образом на защиту православной веры.

Следует отметить, что усиление влияния Святой Горы Афон на духовно-культурные процессы в Украине в этот период, как ни парадоксально, было тесно связано с событиями Брестской унии 1596 года. Как известно, назначаемые польскими королями „по праву патроната“ православные иерархи, — преимущественно из знатных магнатов и шляхтичей Речи Посполитой, — в большинстве своем перешли в ту пору в унию с римско-католическим престолом, а во главе православия во многих регионах Украины остались в основном простые монахи-аскеты, ориентировавшиеся на Афон и его исихастские традиции.

В этом отношении характерно, что на Поместном Соборе 1621 года в Луцке была утверждена своего рода „программа деятельности“ возрожденной Православной Церкви, известная под названием „Совѣтование о благочестии“ Прописанная в исихастском духе, она призывала иерархию, духовенство и паству к внутреннему очищению, покаянию и даже мученичеству за православие.

В одном из пунктов Постановления предписывалось:

„Послати до Патріярхи Константинопольскаго по благословеніє, помоч и раду и на Светую Афонскую гору послати, вызвати и препровадити преподобных мужей росов, межи иными блаженных Коприяна и Иоана пореклом Вишенского, и прочіих тамо обретающихся, в житіи и богословіи цвитущих. Потреба єст духовная, абы и росов маючихся истинно ко житію добродѣтельному, посылати на Афон яко в школу духовную“ [3]

Из этого соборного определения видно, сколь много значили для православной Киевской Митрополии восстановление связей с Афоном и отечественные подвижники, подвизавшиеся на Святой Горе.

Упомянутый в документе блаженный старец Иоанн Вишенский являлся одной из самых ярких личностей православного движения в Украине XVII века, оставив неизгладимый след в украинской духовной культуре того периода. Его произведения в значительной степени легли в основу нового направления в украинской литературе — полемического, получившего развитие после Брестской унии.

На произведениях Иоанна Вишенского воспитывалось несколько поколений украинских писателей, церковно-культурных и политических деятелей. Претерпев „новое рождение“ и неоднократные переиздания в XIX–XX вв., его послания даже в советское время помещались в школьных учебниках и хрестоматиях по украинской литературе, благодаря чему в советской Украине, несмотря на господствовавшую тогда идеологию безбожия, школьники могли узнавать о вере в Бога, об Афоне и его традициях. Так, благодаря писаниям афонского старца-отшельника XVII века уже в XX веке многие молодые люди впервые приобщались к духовной сокровищнице православия.

Старец Иоанн Вишенский был одним из немногих церковных авторов, чьими произведениями восторгались даже в среде нецерковной интеллигенции конца XIX – начала XX вв.

Иван Франко, считая произведения старца Иоанна вершиной украинской полемической литературы конца XVI – начала XVII вв., посвятил их изучению отдельную монографию и серию статей. „Немного у нас в старину было людей, которые посмели бы и сумели бы так близко прикоснуться к насущным духовным потребностям нашего народа и выявлять те нужды его бытия таким горячим и ярким словом“ – объяснял писатель свой интерес к творчеству афонского старца. [7]

Высоко ценил наследие Иоанна Вишенского святитель Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. [9] А Пантелеймон Кулиш называл его „афонским апостолом Руси“ [13] Исследуя духовное наследие старца, писатель сумел наиболее точно подметить роль и значение

„блаженного Иоанна“ „он давал сбившимся с дороги направление; он ободрял, он пророчествовал, и так действительно случилось, как он пророчествовал среди бури“[13].

Долгое время творения старца Иоанна Вишенского имели хождение лишь в рукописном виде; они переписывались и распространялись в основном среди православных монахов. Ныне известно не менее 12 списков XVII – начала XX вв. [5], [6] Одна из таких рукописей, переписанная в XIX в. с более древнего списка, хранится в архиве Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. [2]

На страницы отечественных изданий имя старца-полемиста впервые попало в 1845 году, когда было обнаружено и опубликовано упомянутое выше „Совѣтование о благочестии“ [3] В том же году П. Строевым были изданы „Рукописи славянские и российские, принадлежащие купцу И. Н. Царскому“(1848), где он описал рукописный сборник, включавший и произведения полемиста. Затем в 1858 году С. М. Соловьевым было открыто несколько неизвестных сочинений Иоанна Вишенского. [19] Через два года, в 1860 году, А. Петрушевичем во Львове было опубликовано житие старца Иова (Княгиницкого), в котором упоминалось о старце Иоанне Вишенском как сподвижнике и близком друге преподобного Иова. [10] Еще через пять лет, в 1865 году, Н. Костомаровым в „Актах Юго-Западной России“были опубликованы еще четыре малоизвестных произведения афонского подвижника. [1] Это дало толчок С. Голубеву, И. Житецкому и другим текстологам к дальнейшим поискам и изданию рукописей старца. [8], [27]

В дальнейшем Иван Франко сумел возжечь в среде интеллигенции особый интерес к творениям святогорца-полемиста, не пресекающееся вот уже более 100 лет. [7] Среди исследователей наследия Иоанна Вишенского также необходимо отметить работы таких авторов, как Н. Сумцов, В. Завитневич, В. Шурат, А. Крымский, В. Перетц, М. Грушевский, М. Возняк, А. Белецкий, С. Цимбалюк, Д. Чижевский, Т. Скирда, П. Загайко, Ф. Шлем, С. Пинчук, В. Микитась, Л. Махновец, Д. Наливайко, В. Колосова, К. Яременко, В. Шевчук, Р. Лубкивский, Ю. Пелешенко, О. Неменский, О. Пидгайко, А. Александров, Н. Поплавская и многие другие. [16] Особая заслуга в издании трудов афонского подвижника принадлежит И. Еремину. [12]

В 2016 г. вышла монография С. В. Шумило „Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист“ [22] Опираясь на материалы этой книги, Священный Синод Украинской Православной Церкви в том же году принял решение о прославлении в лике святых старца Иоанна. [25]

На сегодняшний день наследие Иоанна Вишенского среди украинских церковных авторов конца XVI – начала XVII вв. считается наиболее изученным светской наукой. И в то же время оно, тая в себе немало неразгаданных тайн, до сих пор остается не до конца понятным и истолкованным. Одна из причин этого кроется в том, что большинство исследователей пытались изучать произведения старца в отрыве от византийско-святоотеческого, мистико-исихастского богословия, под воздействием которого формировалось консервативно-традиционалистское мировоззрение автора и в категориях которого он большей частью мыслил. [23]

В то же время, наследие старца Иоанна Вишенского невозможно понять и истолковать в отрыве от учения святых отцов Восточной Церкви и, в частности, теоретиков афонской мистической традиции исихазма¹, которым проникнуто все мировоззрение подвижника.

По убеждению Ю. Пелешенко, старец Иоанн Вишенский придерживался „теории и практики исихазма, разработанные св. Григорием Богословом и св. Григорием Паламой“ в связи с чем он „идею пустынного подвижничества воплотил в жизнь собственным примером“ [18] Ю. Пелешенко верно замечает, что „сейчас сложно определить, чьи именно идеи (непосредственно древних Отцов Церкви или Григория Синаита и Григория Паламы) заимствовал и трансформировал в своих сочинениях Иоанн Вишенский“ [18] Скорее всего, в них нашло отражение все святоотеческое наследие, которое на протяжении веков бережно хранилось и приумножалось на Афоне, и где старец Иоанн непосредственно на практике от афонских подвижников-исихастов, как и в богатейших святогорско-монастырских библиотеках, имел возможность изучать и впитывать. [22]

¹ Исихазм (от греч. ησυχία – покой, безмолвие, уединение) – древневосточная христианская мистическая традиция духовной практики, составляющая основу православного аскетизма и имеющая своим ядром духовное искусство внутреннего созерцания и непрестанного делания Иисусовой молитвы (через внутреннее самопогружение ума в сердце и через него выход в сферу духа), направленных на богопознание и обожение. Нередко сочеталась со сложным комплексом дыхательных психофизических упражнений. Одним из центров исихазма издавна являлись монастыри Афона. Исихастское мировоззрение представляет собой особую систему ценностей, развитую в отдельное богословско-философское направление. Наиболее известные теоретики византийского исихазма – преподобные Иоанн Лествичник, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, святитель Григорий Палама.

Как уже было сказано, неверно пытаться понять творения старца Иоанна вне контекста эпохи, в которой он жил, и вне византийского исихастско-святоотеческого наследия в целом, на котором основывались все его воззрения. И если для ментальности верующих людей конца XVI – начала XVII вв. это были очевидные и понятные вещи, то с позиций современного секулярного сознания и воспитания многое из сказанного святогорцем может казаться странным и даже „реакционным“ В результате его труды и высказывания остаются непонятыми, а то и вовсе искаженными.

Самым распространенным ошибочным представлением относительно взглядов старца Иоанна является то, что он будто бы категорически выступал против науки и образования и отстаивал необходимость оставаться неграмотными и непросвещенными. Такая трактовка значительно упрощает и искажает образ и мировоззрение старца, а кроме того, свидетельствует о коренном непонимании современными авторами того, о чем пытался сказать афонский подвижник более 400 лет назад. На это обратил внимание еще Иван Франко. Он делает справедливое замечание современникам: „не стоит думать, что Вишенский так хотел оставить своих земляков в темноте и оградить от остального мира... Вишенский, побывав на Руси после Афона в начале XVII в., уже спустя писал, что не выступает в общем против школ, но необходимо только усердствовать, дабы в них не пропало православие“ [7] Это важный аспект, на который, увы, не все обращают внимание.

Не стоит забывать, что характерной чертой средневекового и ранне-модерного европейского общества была его неотъемлемость от религиозной составляющей. Культурная, социальная и даже политическая жизнь тогдашнего человека была пропитана церковно-религиозным влиянием. По справедливому определению Г. Эйкена, „Церковь была центром средневековой культуры“ [4] Поэтому взгляды Иоанна Вишенского целиком отражали распространенные в те времена консервативно-традиционалистские религиозные представления и мировоззрение.

По сути, спор Иоанна Вишенского о „внешних знаниях“– это продолжение давнего исихастского спора о многоглаголатии и священном безмолвии, известного в землях Украины еще со времен выдающегося просветителя и книжника, приверженца „паламизма“и афонского наследия святителя Киприана (Цамблака, 1330–1406), митрополита Киевского и всея Руси.

В своих посланиях старец Иоанн не только не отрицает науку, но и призывает к распространению в крае православного просвещения „писанием, наукою, друкованием книг, училищи и довольстве от избытков наших“ [12]

В то же время, согласно поучениям старца, внешние знания и науки полезны тогда, когда правильно воспринимаемы человеком, не являются для него культом и самоцелью, но способны помогать духовному его совершенствованию. Поэтому он убежден, что, прежде чем прикасаться к внешним наукам (особенно для тех, кто хочет выбрать монашеский образ жизни), необходимо сперва пройти науку внутреннюю, ведущую к познанию Бога и духовному совершенствованию, и уже после этого, окрепнув духовно и приобретя необходимый опыт и знание, „утвердивши сумнения вѣры благочестивыми догматы, тогда внѣшних хитростей для вѣдомости касатися не возбраняти“ и „будет волно и свое книги читати и еретических книг касатися“ [12]

Как отмечает Ю. Пелешенко, „подобно Григорию Паламе Иоанн Вишенский не отрицает возможность познания материального мира при условии, что человек идет путем разума Христова“, благодаря чему он только и может приблизиться к истине. Однако возможности человеческого разума ограничены, поэтому и истина относительна. Абсолютная истина постигается лишь вследствие озарения души (Божественным светом – согласно терминологии исихастов), где человеческий разум бессилен. Таким образом, человеческий разум и мистическое озарение, в состоянии которого человек может соединяться с Божественным, рациональное и иррациональное соотносятся как низшая и высшая ступени познания в мировоззренческой концепции Иоанна Вишенского. Украинский писатель считает главной целью человека постижение Божественной истины путем мистического созерцания, и эта истина, по его убеждению, является вершиной добра, мудрости и блага“ [18]

Взгляды старца Иоанна на „внешнее знание“ целиком соответствует учению святителя Григория Паламы и, в частности, его „Триадам в защиту священнобезмолствующих“ [17] Поэтому, чтобы лучше понять ход мысли старца, попробуем кратко обозначить основные тезисы учения теоретика византийского исихазма по этому вопросу.

Согласно Григорию Паламе „истинное знание, которому мы учимся из божественных заповедей, подлинно ведет нас к совершенству, посвященности и спасению“ Поэтому „отпавшую от надлежащей цели богопознания, справедливее называть не мудростью, а падением мудрости или обесмысленной мудростью“ [17]

Святитель Григорий Палама различает внешнее плотское знание и знание внутреннее, духовное: „Знание, добываемое внешней ученостью, не только не подобно, но и противоположно истинному и духовному“ [17] Ибо

„для умственных действий постижимо только то, что их никоим образом не превосходит“ [17]

„Плотская мудрость не сделает мудрым разум... Обладая такой мудростью душа не только не уподобится через нее самоистине, но даже не приблизится к простой истине... Хотя изучи естественную философию от Адама до самого конца, без чистоты ты будешь с не меньшим, а то и с большим успехом глупцом, чем мудрецом; наоборот, даже без философии, очистившись и избавив душу от дурных нравов и учений, ты приобретешь победившую мир Божию мудрость и в веселии навеки приобщись к Единому Премудрому Богу... Итак, знание, добываемое внешней ученостью, не только не подобно, но и противоположно истинному и духовному“ – учит Григорий Палама. [17]

По мнению святителя Григория, тот, кто „набирается убеждений от внешней мудрости, хотя и причастен какой-то истине, однако ... делается знатоком шаткой мудрости ... он и сам имеет, и другим дает знание неустойчивое и изменчивое“ [17] „Философия внешних мудрецов не служит постижению и возвещению божественной мудрости, да и как ей служить, раз через нее мир не познал Бога“?“ „Поэтому мы, – пишет Палама, – не мешали бы обучаться внешней науке желающим из тех, кто не избрал монашеской жизни, но всю жизнь заниматься ею никоим образом не советуем никому, а ожидать от нее каких-либо точных познаний о божественных предметах и вовсе запрещаем, потому что от нее нельзя научиться ничему надежному о Боге“ [17]

Святитель Григорий считает, что „стремящийся исследовать волю Божию, познавший о каждой вещи, ради чего она произведена Творцом Вселенной – вот кто знает и причины, и основания всего сущего, вот у кого знание основания всего сущего, вот у кого знание и всего в мире, вот кто истинный философ“ [17] Поэтому „божественный, а не природный дар – наше богومудрие; нисходя свыше, оно даже рыбаей, по Григорию Богослову, делает сынами грома, чье слово разносится до крайних пределов вселенной... Через это вот богومудрие возможно и нам стать и после смерти быть подобными Богу, а природной мудрости у Адама было тоже не меньше, чем у любых людей после него, однако он же первый и не сберег богоподобия“ [17]

Таким образом, святитель Григорий Палама не отрицает самой возможности и полезности внешних знаний и науки, однако считает их менее важными (особенно для монашествующих) в сравнении с истинными знаниями духовными, открывающими путь к богопознанию и единению со Христом.

Подобного же воззрения придерживался и старец Иоанн Вишенский, по всей видимости, отчасти заимствовавший некоторые свои тезисы и аргументы из популярных на Афоне „Триад в защиту священнобезмолствующих“ святителя Григория Паламы.

Так, следом за выдающимся теоретиком исихазма, старец Иоанн Вишенский отмечает, что от „премудрости философское“ невозможно открыть „тые врата, которые до разума духовнаго отверзаются“ [12] Поэтому лучше „быти простым богоугодником и жизнь вѣчную получить, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философом мудрым ся в жизни сей звати и в геенну отити“ [12]

Иоанн Вишенский убежден, что „телеснаго мудрования разуму вѣрашафована быти не мает“ [12] Ибо „духа сила не в художествѣ внѣшняго наказания и философскаго постижения обрѣтается, но вѣрою смиренномудрия (подвижно внимательному дѣлателью заповѣдей Христовых от тоежде благодати Христовы вѣдати и разумѣти полѣзная и спасительная) даруется“ [12]

Для старца Иоанна на первом месте стоит обретение тех знаний, благодаря которым открывается „само бо существо тѣснаго пути слѣда, ведущаго в живот вѣчный“ а также обретается „евангельский разум Христов в помыслѣ вѣры вдрузивши и тесным путем, вѣдущим в живот вѣчный, пошедши“ [12]

По мысли старца, внешние знания не дают „яким способом имѣет боголюбец предспѣти до истиннаго разума и которыми образы, дѣлы, труды и подвиги, и которые знаменія послѣдовати имѣют в совлечение вѣтнаго челоуѣка приходящому изобразили, и гдѣ есть конец, то есть достигшему в предѣл безстрастія, ознакомили, таже, достигши оного безстрастнаго пристанища, ожидати повеления от Бога на дѣло службы его, а не самому без помощи Божія выскаковати на герц, остерегли. Бо если бы хто что начинати хотѣл альбо и начинал, а без Бога, глаголят святии, таковый не толко ни чтожъ не успѣет, але еще в прелесть и ересь самозаконную впадет“ [12]

Поэтому многие святые отцы, пишет Иоанн, „аще и внѣшнее учение изучиша, но ничтоже о истиннѣ от философскаго кичения навькнути возмогаша, дондеже сие обезчестиша и тѣснаго пути слѣдом разума Христова поидоша; его же обрѣтше, тогда истинну навькоша, смирение достигоша и наставниці слѣпым и невѣдущим Бога и пути спасения быша“ [12]

Этим же путем богопознания призывает идти своих сторонников и старец Иоанн: „Аще убо кой тым слѣдом ко исканию безсмертнаго правды

пойдет, изучит и обрящет прекраснѣйшую и свѣтозарнѣйшую правду, и узрит в ней прежде общаго воскресения воскресение и вся таинства“ [12]

О тех, кто, отдавая предпочтение внешним знаниям, гнушается истинной науки богопознания, он с горечью и сожалением отзывается: „бѣдници, простоты, смирения и беззлобиа николи же навикнути не могут“ [12]

Полемизируя по этому поводу, Иоанн Вишенский вопрошает: „Скажѣте ми, о премудрый, от ваших хитростей и художеств граматичных, диалектичных, рыторичных и философских, яким способом Христос простаком, ему послѣдующим, отверзе ум разумѣти писание?.. Почерпѣте же от своея премудрости философское и открьите ми тые врата, которые до разума духовнаго отверзаются“ [12]

По этой же причине старец Иоанн остро критикует отход и в православном школьном образовании от этой святоотеческой традиции. „Нынѣ вы явно пострадали, егда есте на латинскую и мирскую мудрост ся полакомили, тогда есте благочестие стратили, во вѣрѣ немощили и поболѣли и ереси породили, и в него ж крестихомся прогнѣвали“ [12]

Критикуя введение иезуитских стандартов в братской школе во Львове, старец Иоанн констатирует: „сопротивляется слѣдови законному Святых Отец, — и есть то великая ересь — которые, яко сами на дѣла Духа Святаго, властью отправляющиеся, не наскаковали, так и по себѣ будучим степенѣ до того благодатного дару починили и границу закопали“ [12]

Как уже отмечалось, не отрицая самой необходимости постижения внешних знаний, старец Иоанн дает рекомендацию: „Але бым я радил нашим фундатором благочестия во Львовѣ: в первых, церковнаго послѣдования, славословия и благочестия узаконити, дѣтем научити; таже утвердивши сумнения вѣры благочестивыми догматы, тогда внѣшних хитростей для вѣдомости касатися не възбраняти. Не бо аз хую грамотичное учение и ключ к познанию складов и речей, яко же нѣцый мнят и подобно глаголют... И не вѣдомость хую художества, але хую, што тепѣрешние наши новые руские философы не знают в церкви ничтоже читати, — ни тое самое Псалтыри, ни Часослова. А знать, если бы хто што строхи и знал, як южъ досягнет стиха якого басней аристотельских, тогды южъ Псалтири читати ся соромѣет и прочее правило церковное ни за что не вмѣняет и яко простое и дурное быти разумѣет“ [12]

В своих посланиях, критикуя устоявшийся в Речи Посполитой иезуитско-схоластический стандарт духовного образования, старец Иоанн ревнует о возрождении прежней славяно-византийской святоотеческой традиции, которая, по его мнению, должна преподаваться и в школах. Потому, наследуя святителя Григория Паламу, он переживает, что даже в

отечественных православных школах „вмѣсто зас евангельское проповѣди, апостолское науки, и святых закона, и ограничена цноты, и учтивости сумнения христианского нынѣ поганские учителя, Аристотели, Платоны и другие тым подобные машкарники и комидийники, в дворех Христа Бога владѣют. Вмѣсто засѣ смирения, простоты и нищеты грѣдост, хитрост, матлярство и лихоимство владѣет. Вмѣсто зас суду и правды несправедливост, лъж, кривда, прехитрениа, препрене, потвар, лицемѣрие, лест и квалат антихристов владѣет“ [12]

В этом афонский подвижник видит опасный отход от традиционного православного святоотеческого наследия и истинного богопознания: „вмѣсто богословия и внимания настоящего жития — прелести, хитрости человѣческия, лжи, щекарства и прокураций диаволского празднословия и угождения ся учат“ [12]

Как известно, 100 лет спустя подобные же причины побудят и молодого преподобного Паисия Величковского покинуть стены Киево-Могилянской академии и уйти на Афон в поисках истинных духовных знаний и мистического опыта святогорских старцев: „от внешнего учения я не ощущаю в душе никакой пользы, ибо, слыша в нем воспоминания часто эллинских богов и богинь и поэтические басни, от всей души возненавидел такое учение. А если бы и во во внешнем учении наставники употребляли слова богоносных учителей Святой Церкви, наученых Пресвятым Духом, то ученики сподоблялись бы двойной пользы от духовной мудрости и внешнего учения. А поскольку, как написано в Алфавите духовном“, ныне не от Духа Святого, но от Аристотеля, Цицерона, Платона и прочих языческих философов разуму учатся, и из-за сего окончательно ослеплены они ложью, заблудившись в разуме вне пути правого, и учатся только говорению словес, а внутри души у них мрак и тьма, вся же препудрость их лишь на языке“, поскольку, по свидетельству сему, от такого учения не ущуцаю в душе своей пользы, к тому же и опасаясь, как бы от него, как со многими и случается, не впасть мне в развращение ума, я и оставил его“ – писал преподобный Паисий Величковский. [26]

На примере преподобного Паисия Величковского мы видим, как идеи и взгляды старца Иоанна Вишенского и через 100 лет влияли на умы отдельных подвижников. Цитируемый Величковским „Алфавит духовный“ – это произведение младшего современника и, по сути, последователя старца Иоанна Вишенского – киевского митрополита-исихаста Исаии (Копинского), который в личной жизни пытался следовать примеру и наставлениям афонского отшельника-полемиста и также был последовательным сторонником его воззрений и идей [34], [21], [22]

Как уже было сказано, не отрицая самой возможности обучения внешним наукам, старец Иоанн Вишенский, все же, прежде всего призывал к внутреннему „исканию безсмертное правды“ „врата, которые до разума духовнаго отверзаются“и „слѣдом разума Христова поидоша; его же обрѣтше, тогда истинну навывокоша <...> и пути спасения быша“ [12] Только таким способом, по мысли старца, можно „власное науки Духа Святаго зажити“ [12] Эта простая и одновременно сложная аскетическая истина находила отзвук в сердцах многих простых людей того времени, стремившихся в чистоте сердца познать „правду Христову“

Постижение этой истинной науки, по убеждению подвижника, совершается путем иноческой аскезы: обнищанием во Христе, борьбой с искушениями, очищением души от страстей, иссушением плоти, непрестанной Иисусовой молитвой, отсечением своей воли и преданием себя на волю Божию, терпением бесчестья в миру. [16]

По словам Ю. Пелешенко, „Иоанн Вишенский, как и Григорий Палама, считает созерцание, мистическое постижение души путем единения с Богом, постижение душой человека божественных истин“ [18]

По сути, Иоанн Вишенский опередил свое время, став задолго до преподобного Паисия Величковского одним из предвестников нового „филокалического возрождения“ в православии (XVIII–XIX вв.).

Произведения старца Иоанна сплошь проникнуты аскетическо-исихастскими мотивами. В поучении о постижении науки, приводящей к „царствующей бессмертной и вечной правде“ (глава 9), следом за многими исихастскими отцами, Иоанн Вишенский научает:

„Первое: обнищати по Христѣ. Второе: отрещися себе и душу свою в жизни сей возненавидѣти. Третье: ярем креста Христова, искусов, борьбы, подвигов во мысли и плоти к духом лукавым поднебесным во терпении взявши, преплыти, и тѣснотою алчбы и жажды со вниманием непрестѣкомое молитвы Иисусовы тиснутися, и плоть и кровь потом тѣла и подвигом мыслнаго внимания во бдѣнии нощном, и дневном трезвѣнии, и присѣдѣний мѣстном и безмолвном увялити и изсушити. Четвертое: любов и память мира сего уморити, к будущему же вѣку око мыслное неуклонно устремити, Царя Небеснаго усердно желати, каятися, плакати, память смертную всѣгда в клѣти сердечной, видѣти и безпрестанно поминати и на всяк час черту и день отходу надѣятися и готовитися. Пятое: от всея силы, крѣпости, мысли, душа и сердца волю Божию погнати, свою же убити и запаятанем погребсти, заповѣди Христовы от всего усердия и любве хранити и, хранящи, всегда во предняя успѣвати, сотворенное же забывать,

яко ничтоже сотворив. Шестое: безчестия и смерти крестное вомѣняти, поносное в мирѣ сем желати и искати.

Аще убо кой тым слѣдом ко исканию безсмертнаго правды пойдет, изучит и обрящет прекраснѣйшую и свѣтозарнѣйшую правду, и узрит в ней прежде общаго воскресения воскресение и вся таинства, их же язык, по Павлу, изгласити не может и не довлѣет и не постигнет. Аще же инако: паче же внѣшним учением правды таинство постигнути и навѣянути хочет и усилуется, во антихристову прелесть и гордость, идеже и латинский род заблудил, или во прочая ереси тоеж майсторѣи художества князя мистра-диавола, сына геенскаго, блазнителя вѣка сего, въпадет, — от него же да вас сохранит Христос благоденною простотою. Аминь.

Си бо святыи, аще и внѣшнее учение изучиша, но ничтоже о истиннѣхъ от философскаго кичения навѣянути возмогоша, дондеже сие обезчестиша и тѣснаго пути слѣдом разума Христова поидоша; его же обрѣтше, тогда истинну навѣякоша, смирение достигоша и наставници слѣпым и невѣдущим Бога и пути спасения быша“ [12]

В этом поучении старец Иоанн особое значение уделяет исихастской практике непрестанной Иисусовой молитвы: „со вниманием непресеѣмое молитвы Иисусовы тиснутися, и плоть и кровь потом тѣла и подвигом мыслнаго внимания во бдѣнии ноцном, и дневном трезвѣнии, и присѣдѣний мѣстном и безмолвном увялити и изсушити“ [12]

В другом месте старец Иоанн, ссылаясь на Григория Синаита, более подробно описывает науку постижения Иисусовой молитвы и „внутреннего делания“ „Тую тайну могу вам, и для других благовѣрных подвижников, мыслновоздушными духи, то есть бѣсы, бороться хотящих, открыти, — пишет старец Иоанн Вишенский. — Егда начнеш дѣло подвига своего, постом, молитвою, трудом и подвигом всегдашним, бдением во безмолвии, стрежися, абы еси не прочитал ни едино писание еретическое, ани толковыя, даже и православныя книги до времени оставь, только Иисусову молитву дыханию твоему припрязи и борися с помысли и прилоги, от лукавых духов непрестанно сѣмых, яко мрак ум покрывающих, а то, — мовит, — да терпишь без лакомства книжнаго прочитання до того часу, ажъ ум твой с Иисусовым помыслом бѣсы поборет, тогда ти — глаголю — будет волно и свое книги читати и еретических книг касатися и лжу их, прозрѣвши, обличати“ [12]

Из этих наставлений мы узнаем, что Иоанн Вишенский был опытным делателем непрестанной Иисусовой молитвы, пытаясь эту святогорскую традицию привить и своим последователям на родине. Таким образом, как видно, задолго до преподобнаго Паисія Величковскаго он пытался

возродить мистическую исихастскую традицию внутреннего „умного делания“ среди украинского православного монашества.

Возможно, из всех поучений старца, с духовно-назидательной точки зрения эти наставления являются наиболее значимыми. Здесь же мы узнаем и причины, почему до времени старец не благословлял своим ученикам приступать к внешним наукам: „да терпишь без лакомства книжного прочитання до того часу, ажь ум твой с Иисусовым помыслом бѣсы поборет, тогда ти — глаголю — будет волно и свое книги читати и еретических книг касатися и лжу их, прозрѣвши, обличати“ [12]

Примечательно, что учение Иоанна Вишенского о молитве имело распространение в Украине не только среди монашествующих, но даже и среди братств незрячих странствующих старцев-кобзарей до конца XIX – начала XX вв. [20], [22]

Духовная наука этих страннических братств была собрана в т. н. „Устиянские книги“ – устные предания „вохресной братии“ Это был своего рода устный духовный устав. Молитвенный репертуар в них составлял отдельную „Книгу“ по которой ученики должны были проходить начальное обучение у своих наставников. [15] Называлась она „молитвач Иоанна Вишенского“ [11] Вероятно, это был составленный старцем Иоанном особый молитвослов (сборник молитв), который впоследствии и лег в основу одной из первых частей „Устиянских книг“ – „науки молиться“ Странствующие кобзари особое значение придавали именно Иисусовой молитве, она была обязательным атрибутом их служения. [15] Даже заходя в чужой дом, они первым делом вслух произносили Иисусову молитву [15] Как говорили сами старцы-кобзари: „Кто этой молитвы в день и вечер читает, того Господь Святым Духом исповедует...“ [15]

По всей видимости, в основе не сохранившегося „молитвача Иоанна Вишенского“ лежали поучения и наставления афонского старца о том, как правильно осуществлять Иисусову молитву, что и нашло отражение в преданиях и традициях странствующей „вохресной братии“ Возможно, дальнейшие поиски в этом направлении позволят отыскать новые следы затерявшихся во времени бесценных творений украинского подвижника-полемиста. [22]

Очевидно, что сохранившиеся до наших дней сочинения Иоанна Вишенского – далеко не полный репертуар его произведений. Известно, что были и другие писания и послания автора, которые не дошли до наших дней. Не изданные при жизни, они с любовью переписывались от руки и распространялись среди монашествующих и простого люда.

Живучесть и популярность наследия старца Иоанна имели естественные причины. Как отзывался впоследствии о нем Иван Франко: „немного у нас в древности было людей, которые посмели бы и сумели бы так близко прикоснуться к насущным духовным потребностям нашего народа и выявлять эти потребности и болезни его жизни таким горячим и ярким словом“ [7] Поэтому не удивительно, как отмечал И. Еремин, что „сочинения Ивана Вишенского в свое время были широко распространены на Украине“ [12]

Взгляды старца неверно отождествлять с идеями гуманизма, народничества и социализма. Они целиком коренятся в евангельских заповедях и учении отцов Церкви. Как уже отмечалось, на таких воззрениях, скорее всего, отразилось влияние учения свт. Григория Паламы, а также других учителей и отцов исихазма. Среди них – и преподобного Нила Сорского, игумена Артемия Троицкого и других „нестяжателей“ с идеями которых он мог познакомиться еще в молодости в Остроге и Луцке.

Учение „нестяжателей“ нашло свое отражение и в критике Иоанном Вишенским монастырских землевладений и его категоричном неприятии вырождения монастырей в крупные имения-„фольварки“

„Солью Церкви“ старец Иоанн считает монашество. Поэтому, помимо апологии православной веры и полемики с униатскими иерархами и иезуитскими авторами, он отстаивает аскетические идеалы православного монашества. Этому вопросу он уделяет особое внимание и значение.

„Иноческаго чина не поругуйте, – пишет старец, – но и сами ся Богу молѣте, да в том чину жизнь свою скончаєте, як же прѣвые продки ваши, которые еще в благочестии ненарушеном были и милость Божию при собѣ близко мѣли... Если бы не было истинных иноков и богоугодников межи вами, уж бы давно, якож Содомы и Гоморы, жупелом и огнем у Лядской земли есте опопелѣли... Если бы вас иноки пред Богом не заступали, уже бысте давно с всею потѣхою своею мирскою исчезли и погибли“ [12]

Особо старец отстаивает отшельническо-аскетический способ монашеского подвижничества. „Позорище мысленное“ – одно из последних известных произведений старца Иоанна, написанное им в пещерном затворе неподалеку от Зографа около 1615–1616 гг. („составленное от инока, в пещере горе сидящего и себе внимающаго“). [12] В этом сочинении, обильно цитируя Иоанна Лествичника, Григория Богослова, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Исаака Сирина и других восточных отцов Церкви, старец Иоанн утверждает, что „больше стосугубо пожиток Церкви, хвала Богу, заступлѣние сродству и общему естеству, странѣ, роду и языку от оногo

избѣгшаго инока из мира и в горах гнѣздящагося, нежели с ними общесвдворно пребывающего“ [12]

Поясняя смысл отшельнического подвижничества, Иоанн Вишенский объясняет, что ушедший в затвор инок „ропинается за Христа или со страстьми и естеством борется и повседневную смерть страждет, по апостолу, да поборет диявола, с похотьми в плоти гнѣздящагося страстьми“ И потому „за единого, в горах и пещерах сѣдящего, руского инока, тысячу домалѣжных и в полатах упокоевающихся миролюбцев, мясоедов, роскошных мнихов латынских не промѣнил бым“ [12]

Главная цель жизни христианина, по Иоанну Вишенскому, обретение спасения: „Не может никто никого врачевати альбо учити, если наперед себѣ не уздоровит и не научит. Так же и в спасение жаден привести не может, если перво себѣ на спасаемом фундаментѣ не поставит... Исаак глаголет: „Болѣе воскресити душу свою от страстей, нежели воскресити умерших“ А если же так велик подвиг на воскресение души от мирскаго страстного навывковения, яко и над чюдотворную благодать ся судит, что же может быти болшого и потребнѣйшаго на свѣте, яко еже спасти себе? За которое самоособное спасение душевное сам владыка Христос всего мира неспасаемаго неровна и недостойна спасаемой (и в Царство Небесное напечатаной) души чинит. Отожь потреба <...> постаратися о спасении, бо <...> ни едина полза от науки других, если себѣ презрит и не спасет“ [12]

Произведения старца Иоанна сплошь проникнуты аскетическо-исихастскими мотивами, в которых главная цель – достойно встретить смерть как переходное состояние от жизни временной к вечной:

„Смерть ест рожденому се, иж мир сей любят и тому мысль свою приковали суть и водлут тѣла живут и мудруют, которые трупца своего боготворят и, як идола, розными фарбами, так и сего трупца розными шатами пѣстрыми украшают, одѣваючи перемѣняют и ненасычоную любов к прелести шматя того злотоглову или ядамашку, шкарлату и инших сукен, скупостию тым подобных, привязали сут и на том мечтании всю мысль свою истожили сут, ко Богу же и ко будущему вѣку, — никако же позрѣти, ани тюзрѣти не могут. А то для того, иж в смерти сей вѣка сего помыслом тѣливати изволяют, а за тым от тоя смерти жизни сея на будущую вѣчную смерть вѣсхищают, — то ест рождение на смерть. На живот зас родитися — тако, который изшедши из утробы в мир сей и дошедши досконалого вѣзросту, кили юж мысль розсуждати злое от доброго силу мает. Тогда и той розсудит, як скоро от жития сего преходит и вся красная мира сего, если и не хочет оставити, мусит и з собою ничтоже не понесет тут теж их уживати и мысль свою в них погребсти безсмертне погубит и от живота вѣчного и славы

божия отпадет. Та же смысливши и розсудивши в собѣ тот гостинец, възмет мир сей и в нем всѣ красоты, пестроты и прелести повержет и възненавидит славу, чест и достоинство мира сего обезчестит, поплюет, потопчет и посмѣет с помыслом своим, якож з нѣкой темници на свѣт свободы к Богу смотрѣти и о жизни вѣчнѣй поучатися и мыслити вырнет, одною свиткою, мѣхом шитою и нехшталтновою, ся одѣет на надежду Бога живаго, с той ямы мирское на ровнину выскочит, тогда мыслию ни о чом другом ся не фрасует ани старает, толко як славу господа своего узрит, ему угодит и с ним в вѣки царствовати будет. Таковый на живот в мир сей родился и тут о Бозѣ жизнь живет и по смерти с Богом вѣчне жити будет“ [12]

В основе воззрений и поучений Иоанна Вишенского лежит исихастская идея христоцентричности. Для него прижизненное единение со Христом является главной целью и смыслом жизни. „Толко бы до Христа ся дотиснути, который блаженную простоту любит и в ней обитель собѣ чинит и там ся упокоивает“ – пишет подвижник. [12]

Убежденный последователь афонского исихастского учения святителя Григория Паламы, сподвижник преподобного Иова (Княгиницкого) Тисменицкого, преподобного Иова (Желизо) Почаевского, игумена Исаакия (Борисковича) и других, старец Иоанн Вишенский принадлежит к числу выдающихся украинских подвижников благочестия. Уйдя в пещерный затвор на Святой Горе Афон, он, сам о том не помышляя, оставил бессмертный след в истории Православной Церкви в Украине, повлияв на ее возрождение после событий Брестской унии 1596 года.

Наследие старца Иоанна – бесценная духовная и литературная сокровищница. Незаслуженно забытое сегодня, оно является важной составляющей как украинской культуры, так и мировой православной цивилизации. В наше время это наследие обретает новую актуальность и требует более глубокого изучения и возрождения.

SUMMARY

The article is devoted to the spiritual and literary heritage of the Monk John of Vishensky (1550s - 1620s), who was one of the prominent Athos devotees who played an important role in the revival of Orthodoxy in Ukraine in the 17th century. Several generations of Ukrainian writers, church-cultural and political figures were brought up on the works of John Vyshensky. Having undergone a “new birth” and repeated reprints in the 19th – 20th centuries, his messages even in Soviet times were placed in school textbooks and reader books on Ukrainian literature. Thanks to this, in Soviet Ukraine, despite the then prevailing ideology of godlessness, schoolchildren could learn about faith in God, about Athos and his

traditions. At the same time, the legacy of Elder John of Vishensky cannot be understood and interpreted in isolation from the teachings of St. Gregory Palamas and outside the Athos-Hesychast-patristic heritage, on which all his views were based. The works and legacy of Elder John are an invaluable spiritual and literary treasury. Undeservedly forgotten today, it is an important component of both Ukrainian culture and world Orthodox civilization. Nowadays, this heritage is gaining new relevance and requires deeper study and rebirth.

REFERENCES

1. ACTS. 1865. *Four works of Athos monk John of Cherry. Acts relating to the history of Southern and Western Russia*. St. Petersburg. T. 2, 1865. p. 205-270. /Акты ЮЗР. 1865. Четыре сочинения афонского монаха Иоанна из Вишни. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Санкт-Петербург. Т. 2, 1865. с. 205–270./
2. *Archive of the Russian Panteleimon Monastery on Mount Athos (ARPM)*. No. 328. L033325. Ivan Vishensky. *Zapapka mudrago Latin with a silly Rusyna*, 210 p. /Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА). № 328. L033325. Иван Вишенский. Зачапка мудраго латынника с глупым русином, 210 л./
3. *Advice on piety*. 1845. Monuments published by the Provisional Commission for the analysis of ancient acts. Kiev, t. 1, p. 247-248. /Советование о благочестии. 1845. Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. Киев, т. 1, с. 247–248./
4. AIKEN, G. 1907. *History and system of medieval worldview*. St. Petersburg, 1907. p. 656. /ЭЙКЕН, Г. 1907. *История и система средневекового мирозерцания*. Санкт-Петербург, 1907. с. 656./
5. EREMIN, I.P. 1955. Archaeographic review of the works of Ivan Vishensky. Ivan Vishensky. *Compositions*. Moscow – Leningrad : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. p. 272-280. /ЕРЕМИН, И. П. 1955. Археографический обзор сочинений Ивана Вишенского. Иван Вишенский. *Сочинения*. Москва – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1955. с. 272–280./
6. EREMIN, I.P. 1953. On the History of Russian-Ukrainian Literary Relations in the 17th Century. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow - Leningrad, t. IX, 1953. p. 291–295. /ЕРЕМИН, И. П. 1953. К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. *Труды Отдела древнерусской литературы*. Москва – Ленинград, т. IX, 1953. с. 291–295./

7. FRANCO, I. 1980. *Collected Works : In 50 volumes*. Kyiv, vol. 28, 1980. p. 260–278. / ФРАНКО, І. 1980. *Зібрання творів : У 50 томах*. Київ, т. 28, 1980. с. 260–278./
8. GOLUBEV, S. T. 1883. *Kiev Metropolitan Peter (Tomb) and his associates*. Kiev, t. 1, adj., 1883. p. 67-225; GOLUBEV, S. T. 1898. *Kiev Metropolitan Peter (Tomb) and his associates*. Kiev, vol. 2, adj., 1898. p. 35. /ГОЛУБЕВ, С. Т. 1883. *Киевский митрополит Петр (Могила) и его сподвижники*. Киев, т. 1, прил., 1883. с. 67-225; ГОЛУБЕВ, С. Т. 1898. *Киевский митрополит Петр (Могила) и его сподвижники*. Киев, т. 2, прил., 1898. с. 35./
9. GUMILEVSKY, F. 1857. *John of Vishensky. Review of Russian spiritual literature, 862-1720*. St. Petersburg, 1857. p. 169. /ГУМИЛЕВСКИЙ, Ф. 1857. *Иоанн Вишенский. Обзор русской духовной литературы, 862–1720*. Санкт-Петербург, 1857. с. 169./
10. IGNATIUS OF LUBARTOW. 1860. *The life and life of the Reverend Father Job, and of his demise, and of the composition of the holy abode of Scythia, are briefly written : Zorya Halytska as an album for 1860*. Lviv, 1860. p. 225-230. /Ігнатій з Любартова. 1860. *Житіє и жизнь преподобного отца нашего Иова, и о скончаніи его, и о составленіи святаго обители Скитския, вкратце списано : Зоря Галицкая яко альбом на 1860 рік*. Львів, 1860. с. 225-230./
11. *The Rylsky Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology. National Academy of Sciences of Ukraine (IMFE)*. Kyiv. F. 11-4, Units Sat. 860, p. 6. /Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України (ІМФЕ). Київ. Ф. 11-4, Од. зб. 860, с. 6./
12. VISHENSKY, I. 1955. *Works*. [Preparation of text, articles and comments by I. P. Eremin.]. Moscow – Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. 372 p. /ВИШЕНСКИЙ, И. 1955. *Сочинения*. [Подготовка текста, статьи и комментарии И. П. Еремина.]. Москва – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1955. 372 с./
13. KULISH, P. A. 1874. *History of the reunification of Russia*. T. 1. St. Petersburg, 1874. p. 310-319. /КУЛИШ, П. А. 1874. *История воссоединения Руси*. Т. 1. Санкт-Петербург, 1874. с. 310-319./
14. KULISH, P. A. 1888. *Departure of Little Russia from Poland*. T. 1. Moscow, 1888. p. 168-173. /КУЛИШ, П. А. 1888. *Отпадение Малороссии от Польши*. Т. 1. Москва, 1888. с. 168-173./
15. KUSHPET, V. 2007. *Eldership : Traveling Elderly Musicians in Ukraine (XIX - Beginning of XX Century)*. Kyiv : Tempora, 2007. p. 307-310. /КУШПЕТ, В. 2007. *Старцівство : мандрівні старці-музиканти в Україні (XIX — початок XX ст.)*. Київ : Темпора, 2007. с. 307-310./

16. NEMENSKY, O. B. - PIDGAYKO, V. G. 2010. John of Vishensky. In *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 23. Moscow : Church-Scientific Center "Orthodox Encyclopedia", 2010. p. 387-400. /НЕМЕНСКИЙ, О. Б. - ПИДГАЙКО, В. Г. 2010. Иоанн Вишенский. Ин *Православная энциклопедия*. Т. 23. Москва : Церковно-научный центр „Православная Энциклопедия“, 2010. с. 387-400./
17. GREGORY PALAMAS. 1995. *Triads in defense of the Sacred Silent*. Moscow : Canon, 1995. p. 5-344. /ГРИГОРИЙ ПАЛАМА. 1995. *Триады в защиту священно-безмолвствующих*. Москва : Канон, 1995. с. 5-344./
18. PELESHENKO, Y. 2004. *Ukrainian Literature of the Late Middle Ages (Second Half of the 13th – 15th Centuries) : Sources. The genre system. Spiritual intentions*. Kyiv, 2004. p. 226-227. /ПЕЛЕШЕНКО, Ю. 2004. *Українська література пізнього середньовіччя (друга половина XIII–XV ст.) : Джерела. Система жанрів. Духовні інтенції*. Київ, 2004. с. 226-227./
19. SOLOVIEV, S. M. 1858. About some manuscripts and rare printed works of the 16th and 17th centuries related to the history of Little Russia. In *Bibliographic notes*. No. 9. Moscow, 1858. p. 276-278. /СОЛОВЬЕВ, С. М. 1858. О некоторых рукописях и редких печатных сочинениях XVI и XVII веков, относящихся к истории Малороссии. Ин *Библиографические записки*. № 9. Москва, 1858. с. 276-278./
20. SHUMILO, S. V. 2013. *The Myrian Old Age in the Spiritual Tradition of Ukrainian Kobzar*. *Religion in Ukraine*. [online]. [update 2013-05-11]. [2020-03-15]. Available from: <http://www.religion.in.ua/main/history/23860-miryanske-starchestvo-v-duhovnij-tradiciyi-ukrayinskogo-kobzarstva.html> /ШУМИЛО, С. В. 2013. „Мирянське старчество“ в духовній традиції українського кобзарства. *Релігія в Україні*. [онлайн]. [дата звернення 2013-05-11]. [2020-03-15]. Доступно с: <http://www.religion.in.ua/main/history/23860-miryanske-starchestvo-v-duhovnij-tradiciyi-ukrayinskogo-kobzarstva.html> /
21. SHUMILO, S. V. 2014. The influence of the Holy Mount Athos on the spiritual, cultural and political life of Ukraine of the 18th century. In *Athos and the Slavic world. Collection 1 : materials of an international scientific conference dedicated to the 1000th anniversary of the presence of Russians on the Holy Mountain (Belgrade, May 16–18, 2013)*. Athos : Panteleimon Monastery, 2014. p. 120-128. /ШУМИЛО, С. В. 2014. Влияние Святой Горы Афон на духовную, культурную и политическую жизнь Украины XVIII века. Ин *Афон и славянский мир. Сборник 1 : материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой*

- Горе (Белград, 16–18 мая 2013). Афон : Пантелеимонов монастырь, 2014. с. 120–128./
22. SHUMILO, S. V. 2016. *Elder John of Vishensky : Athos Ascetic and Orthodox polemicist. Materials for the biography of the blessed memory of the great elder John of Vichensky the Holy Mountaineer*. Kyiv : Publishing Department of the UOC, 2016. 208 p. ISBN 978-966-2371-40-6. /ШУМИЛО, С. В. 2016. *Старець Іоанн Вишенський : афонський подвижник и православний писатель-полемист. Матеріали к жизнеописанию „блаженной памяти великого старца Иоанна Вишенского Святогорца“*. Киев : Издательский отдел УПЦ, 2016. 208 с. ISBN 978-966-2371-40-6./
 23. ŠUMILO, S. 2018. Spiritual and literal heritage of the Mount Athos elder Ivan Vishenski. In *Rocznik Teologiczny*. Warszawa : Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, 2018. LX, z. 1, s. 111-135. ISSN 0239-2550.
 24. SHUMYLO, S. V. 2019. „Archbishop of Siver“ and disgraced Metropolitan Isaiah (Kopynsky) as the inspirer of Cossack uprisings and monastic revival in Ukraine in the XVI century. In *Siveryansky Chronicle : All-Ukrainian Scientific Journal*. Chernihiv : Institute of History of Ukraine of the NAS of Ukraine, 2019, No. 1-2, January-April, p. 58-69. /ШУМИЛО, С. В. 2019. „Сіверський архієпископ“ та опальний митрополит Ісайя (Копинський) як натхненник козацьких повстань та чернечого відродження в Україні в XVII ст. Ін Сіверянський літопис : Всеукраїнський науковий журнал. Чернігів : Інститут історії України, 2019, № 1-2, січень-квітень, с. 58-69./
 25. The Monk John of Vicenna Svyatoretz is canonized. [online]. In *The International Institute of the Athonite Legacy*. 2016. [updated 2016-07-28]. [2020-02-23]. Available from: <https://afon.org.ua/novosti/prepodobnyj-ioann-vishenskij-svyatogorets-prichislen-k-liku-svyatykh.html>. /Преподобный Иоанн Вишенский Святогорец причислен к лику святых. [онлайн]. Ін Міжнародний інститут афонського насліддя. 2016. [дата звернення 2016-07-28]. [2020-02-23]. Доступно с: <https://afon.org.ua/novosti/prepodobnyj-ioann-vishenskij-svyatogorets-prichislen-k-liku-svyatykh.html> [дата обращения: 28.07.2016]./
 26. VELICHKOVSKY, PAISIY. 2016. *The story of the holy cathedral“ and little-known letters*. [Compiled and commented by Shumilo S. V.] Kyiv : Publishing department of the UOC, 2016. 207 p. ISBN 978-966-2371-39-0. /ВЕЛИЧКОВСЬКИЙ, ПАЇСІЙ. 2016. *Повість про святий собор“ та маловідомі листи*. [Упорядник та коментарі Шумила С. В.]. Київ : Видавничий відділ УПЦ, 2016. 207 с. ISBN 978-966-2371-39-0./
 27. ZHITETSKIY, I. P. 1890. *Literary activity of John of Vishensky : Kiev antiquity*. Kyiv, 1890, t. 29, No. 6, p. 494-532. /ЖИТЕЦКИЙ, И. П. 1890. *Литературная деятельность Иоанна Вишенского : Киевская старина*. Киев, 1890, т. 29, № 6, с. 494–532./

THE INFLUENCE OF THE HESYCHAST DOCTRINE OF GREGORY PALAMAS ON THE HERITAGE OF THE UKRAINIAN-ATHONIAN POLEMIST AND ELDER JOHN OF VISHENSKYI

Serhii Viktorovich SHUMYLO, director, The International Institute of the Athonite Legacy in Ukraine, 126 Chervonoarmijska St., office 1, 01004, Kyiv, Ukraine, institute@afon.org.ua, 0038977214235

Abstract

The article examines the spiritual and literary heritage of the Ukrainian St. John of Vishensky (1550s - 1620s) and the influence of the Athos hesychasm teachings of St. Gregory Palamas on it. The author compares the works of Gregory Palamas and the works of John Vishensky and concludes that the Athos heritage of Gregory Palamas had a serious impact on the views and worldview of John Vishensky. In particular, after analyzing the works of the two saints, the author comes to the conclusion that the legacy of the elder John Vyshensky cannot be understood and interpreted in isolation from the teachings of St. Gregory Palamas and outside the Athos hesychast-patristic heritage, on which all his views were based. According to the author, the works of John Vishensky are an important component of both Ukrainian literature and the world Orthodox heritage.

Keywords

John of Vishensky, Gregory Palamas, Hesychasm, Athos, Holy Mountain, Monasticism, Eldership, Holy Fathers, Orthodoxy, Ukraine